

«А кресло-то я у нее купила...»

*Не бойся – если они захотят убить,
они найдут тебя в любой точке земного шара.
(Из разговора с мамой)*

Моя мать – Ольга Викторовна Кепинг, в девичестве Святина, была младшей сестрой архиепископа Виктора, последнего начальника Российской духовной миссии в Китае. Большую часть своей сознательной жизни (с середины 20-х гг. вплоть до возвращения в СССР, куда она в 1954 г. приехала со своей семьей в Кустанайскую область «на освоение целинных и залежных земель») она провела в эмиграции в Китае в городе Тяньцзине. До конца своей жизни (она умерла в марте 1992 г. на 92-м году жизни) она сохранила ясную голову и удивлявшую всех знавших ее память на события, свидетелем или участником которых она была. Она помнила все – людей (их имена и лица, их детей и родственников) и связанные с этими людьми события. Нужно было только задать ей вопрос – как будто «нажать кнопку» – и тут же получить обстоятельный и логичный рассказ со множеством интересных деталей.

Последние пять лет своей жизни из-за перелома ноги она не выходила из дома вообще, но не потеряла интереса к жизни – много читала, смотрела телевизионные передачи, радовалась приходу гостей. Эти годы совпали с «перестройкой», в которую, надо сказать, она не верила, считая ее «большой провокацией». К Горбачеву же относилась с симпатией, связывая его имя с изменением политики в отношении церкви. Она плакала, впервые увидев на экране телевизора священника – после всего пережитого это ей казалось чудом.

«Перестройка» вынесла на страницы советских периодических изданий лавину различных воспоминаний, кого-то разоблачавших, а кого-то, наоборот, пытавшихся очистить от клеветы. Мы пытались читать все, что попадало к нам в руки. Обычно мы читали вместе: сначала просматривала журнал я, а потом его уже внимательно прочитывала мама.

Однажды кто-то принес нам несколько журналов с воспоминаниями Константина Симонова «Сталин глазами человека моего поколения». Когда я пишу эти строки, у меня этих журналов нет. Кажется, это был журнал «Октябрь» за 1988 г., номера с 3 по 6

(включительно), но, может, быть, я и ошибаюсь. Сейчас передо мной лежит уже книга К. Симонова, по-видимому, представляющая собой отредактированный текст журнального варианта. Книга называется несколько по-другому: «Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине». (Москва. 1990).

В одной из первых глав своих воспоминаний Симонов пишет о своей семье. Его мать, как оказалось, происходила из семьи князей Оболенских. Мне кажется, что в журнальном варианте об этом говорится сразу же при первом упоминании о семье матери, но в книге фамилия Оболенских приводится позднее — только на странице 47 (также см. С. 220-221), а первое упоминание о семье матери на странице 42 не содержит этой фамилии. О своем деде Симонов говорит как о человеке с «княжеским титулом» (С. 44); еще одно указание на «княжеское происхождение» мы находим на странице 46. Читать это было довольно любопытно, так как Симонова — лауреата нескольких сталинских премий — было трудно представить себе княжеским отпрыском.

Одна из сестер матери Симонова, Людмила, по утверждению Симонова, была замужем за Максимилианом Генриховичем Тидеманом (С. 42). Эта фамилия чем-то «зацепила» меня и я спросила у мамы, откуда она мне может быть знакома.

«Ну как же, как же, — сказала мама, — это был наш царский консул в Тяньцзине, Петр Генрихович Тидеман. Но ты не можешь его помнить, так как он был в Тяньцзине в 20-е гг.»

И мы с мамой пришли к выводу, что судя по редким отчеству и фамилии царский консул в Тяньцзине Петр Генрихович Тидеман — и Максимилиан Генрихович Тидеман — муж тетки (сестры матери) Симонова, братья. И значит, Симонов находился в свойстве с семейством Тидеманов, проживавшим в 20-е гг. в Китае. Затем мама сказала, что Петр Генрихович Тидеман был в дружеских отношениях с отцом Виктором, настоятелем Свято-Покровского храма в Тяньцзине, впоследствии архиепископом, т.е. с ее братом.

П. Г. Тидеман как-то сказал отцу Виктору, что его жена Аделаида Михайловна (урожденная Скрябина) приходится родной сестрой Вячеславу Михайловичу Молотову (настоящая фамилия Скрябин).

«Аделаида Михайловна была цветущая красивая женщина, — продолжала мама, — но однажды она пошла к зубному врачу в Тяньцзине, после чего у нее началось заражение и она умерла».

Пока мама говорила, я продолжала листать журнал, не особенно прислушиваясь к ее словам. Но здесь что-то меня насторожило (к этому времени мы уже достаточно начитались всяких ужасов и историй убийств), и я, отложив журнал, стала внимательно ее слушать.

«У Тидеманов было двое дочерей, это были уже большие девочки, барышни. Старшая должна была выйти замуж, но перед самой свадьбой заболела скарлатиной и умерла».

Я оцепенела... Но мама, не видя моего изменившегося лица, продолжала:

«А потом скарлатиной заболела и вторая дочь Тидеманов».

Я с ужасом спросила: «Она тоже умерла?»

«Нет, она вышла замуж за английского офицера и уехала с ним в Лондон».

Я смотрела на маму, она — на меня. И я видела, как постепенно она связывала в единую цепь события шестидесятилетней давности в Китае. Ее собственный опыт был достаточно показателен (она всегда говорила мне, что ее брат, митрополит Виктор, был отравлен в Краснодаре в августе 1966 г.). Да и в СССР мы к этому времени уже жили тридцать пять лет и давно уже не были так наивны, как были по приезду (хотя, как выяснилось очень скоро — в начале 1991 г. — все-таки были наивны, не связывая в единую картину смерти в собственной семье).

Чтобы как-то отвлечь меня от страшных мыслей, мама сказала: «А кресло-то я у нее купила».

Ничего не поняв, я спросила: «Какое кресло, о чем ты говоришь?»

«У этой женщины-зубного врача, что лечила Аделаиду Михайловну; она тоже вскоре умерла. А я как раз закончила зубоврачебную школу в Харбине и занималась оборудованием своего кабинета в Тяньцзине. Кресло я купила у сына этой женщины-врача».

Итак, все стало на свои места — вариант классического детектива: умерла Аделаида Михайловна (сестра Молотова), умерла одна из ее дочерей (племянница Молотова), и умерла зубной врач, после визита к которой у Аделаиды Михайловны началось заражение.

Во всей этой истории я могу приблизительно датировать только последнюю смерть — смерть зубного врача. По-видимому, это произошло где-то в 1927 г. Дело в том, что мои родители поженились 22 января 1928 г., и мама всегда шутила, что ее первый и последний пациент был мой отец. Значит, оборудование кабинета, а следовательно и покупка кресла, относятся к 1927 г.

Надо сказать, что мама называла даже фамилию этого зубного врача, но точно я ее не помню, поэтому и не пишу.

Вернемся к Симонову. Выше мы установили, он находился в свойстве с семейством Тидеманов, проживавшим в 20-е гг. в Китае. Теперь же мы знаем, что через это семейство Симонов находился в свойстве и с Молотовым — сестра Молотова была замужем за П. Г. Тидеманом, брат которого М. Г. Тидеман был женат на тетке (сестре матери) Симонова.

Молотов, по-видимому, действительно имел какой-то особый, личный интерес к Симонову, и этот факт получает косвенное подтверждение в воспоминаниях Симонова. Симонов сам отмечает эту личную заинтересованность Молотова: «Правда, в памяти сидела одна зарубка, связанная с именем Молотова, — зарубка в сугубо личном плане (Молотов в 1942 г. не пустил Симонова в Америку, см. об этом ниже — К.К.)» (С.79). Моло-

тов наблюдал за жизнью Симонова и контролировал его поездки за рубеж, по-видимому, боясь его возможных контактов с эмигрантами. Особенно его интересовали поездки Симонова в Америку и Японию. Вполне понятна заинтересованность Молотова в поездках Симонова в Японию – здесь жили русские эмигранты, причем существовали тесные связи между ними и русскими эмигрантами в Китае; кроме того, надо иметь в виду, что Молотов мог бояться разоблачений и со стороны японцев, контролировавших жизнь русских во время войны в Китае, а Симонов, как мы увидим дальше, ехал в Японию на процесс военных преступников.

В 1942 г. именно Молотов не разрешил Симонову поехать в Америку в качестве специального корреспондента газеты «Красная звезда». Молотов отстранил Симонова от этой поездки, заявив, что тот якобы пьет (С. 79). Но через четыре года в 1946 г. во главе делегации писателей Симонов все-таки едет в Америку. Причем именно Молотов принимает Симонова перед этой поездкой и инструктирует его. Эта встреча произошла сразу же после возвращения Симонова из Японии, где он в течение четырех месяцев был в составе группы журналистов, посланных туда освещать процесс над японскими военными преступниками. Надо отметить, что встреча была настолько продолжительной, что это даже удивило Симонова. Он пишет: «У Молотова я пробыл тоже довольно долго, дольше, чем думал» (С.79). И далее: «Но, оказывается, Молотов не собирался отпускать меня и стал сам расспрашивать меня о Японии» (С.83). И вот, что произошло во время этого разговора, но здесь лучше передать слово самому Симонову:

«Молотов слушал меня внимательно и благожелательно. Все это было так до тех пор, пока я заговорил о том, что у меня есть поручение – рассказать Молотову об одной факте.

– Чье? Какое поручение? – быстро спросил Молотов, и что-то в его лице мгновенно переменялось.

Я сказал, что это поручение генерала Деревянко и что вопрос, о котором идет речь, – изменение характера, сроков и норм снабжения того маленького контингента, батальона войск, который прибыл в распоряжение нашего члена Контрольного совета, – требует неотложного решения, ибо та практика, которая существует, никуда не годится – не хочу здесь вдаваться в те подробности, которые я рассказал тогда Молотову, но говорил я об этом с горячностью, быть может, показавшейся излишней. Словом, я внес нечто личное в этот разговор, очевидно так.

– Это не его дело – ставить такие вопросы через третьих лиц и заниматься частными ходатайствами, – жестко сказал Молотов о Деревянко, сказал со злобой. Я вдруг почувствовал какую-то непреодолимую грань между только что, пять минут назад сидевшим передо мной человеком и этим – ожесточенным и готовым к немедленному наказанию виновных в чем-то, не до конца понятом мною, но, видимо, абсолютно непоколебимо неприемлемом для него. На этой жест-

кой ноте разговор оборвался; Молотов встал, пожелал мне успешного выполнения поручения и простился со мной». (С. 83)

Из приведенного отрывка видно, что вопрос о поручении, переданном через Симонова, вызвал явно неадекватную реакцию Молотова: «что-то в его лице мгновенно переменялось», он заговорил «со злобой» и стал «ожесточенным и готовым к немедленному наказанию виновных...» и т.п. Из описания Симонова видно, что поведение Молотова поразило его, и ему было непонятно, что именно вызвало у того такую злобу. И опять Симонов здесь чувствует что-то личное: «Словом, я внес нечто личное в этот разговор, очевидно так» (С.83).

Знал ли Симонов о своем родстве с Молотовым, трудно судить. Возможно, что и не знал. Правда, довольно странное впечатление производит тот факт, что Симонов относится Молотову с нескрываемой симпатией, явно выделяя его по человеческим качествам из окружения Сталина. Так, он пишет о Молотове, что тот был «бескорыстен, неподкупен, прямолинеен и жесток» (С.81). Далее Молотов характеризуется как «человек сильный, принципиальный, далекий от каких-либо личных соображений, крайне упрямый, крайне жестокий, сознательно шедший за Сталиным и поддерживавший его в самых жестоких действиях, в том числе и в 1937-1938 гг., исходя из своих собственных взглядов. Он убежденно шел за Сталиным, в то время как Маленков и Каганович делали на этом карьеру» (С. 306).

Интересно отметить, что на поездку Симонова в Америку была ассигнована такая огромная сумма (и это в «разоренной голодной стране-победительнице»), величина которой поразила даже избалованного Симонова (С. 82). По-видимому, это тоже было неспроста.

Заслуживает внимания также тот факт, что именно в 1927г., т.е. в том году, когда по нашим подсчетам погибли А. М. Тидеман, ее дочь и женщина-врач, лечившая А. М. Тидеман, семья Симонова подверглась обыску. Сам Симонов так пишет об этом: «С той жестокой действительностью, которая много лет спустя была определена формулой «годы необоснованных массовых репрессий», я столкнулся очень рано, в двенадцатилетнем возрасте, в 1927 году, когда этих массовых репрессий еще не было» (стр. 24). Симонов с матерью гостили в селе под Кременчугом у двоюродной сестры отчима Симонова, которая была замужем за уволенным в отставку еще до первой мировой войны генерал-лейтенантом царской армии, к тому времени уже много лет парализованным. Причина этого обыска так и осталась для семьи неясной, однако сейчас мы можем предположить, что обыск был связан с событиями в Китае. Через четыре года в 1931 г. во время ареста отчима Симонова был произведен второй обыск, который длился «часов шесть, если не больше» (С.29). Этот арест, надо сказать, тоже производит довольно странное впечатление: во-первых, это было задолго до массовых арестов и, во-вторых, продержали человека четыре месяца и затем выпустили (С.28-34).

Ну, вот и все. Эта история, «раскрученная» нами в 1988 г., помогла нам в 1991 г. понять и связать воедино события, происшедшие в нашей семье. Тогда мама и сказала мне слова, вынесенные в качестве эпиграфа к этим записям: «Не бойся — если они захотят убить, они найдут тебя в любой точке земного шара».

